

21-85

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

ИСАЕВА Марина Валентиновна

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О МИРЕ И ГОСУДАРСТВЕ В КИТАЕ
В III-VI ВВ. /ПО ДАННЫМ "НОРМАТИВНЫХ ИСТОРИОПИСАНИЙ"/**

Специальность: 07.00.03 - Всеобщая история /Средние века/

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 1992

Диссертация выполнена в Институте востоковедения РАН.

Научный руководитель - докт. ист. наук
БОКЩАНИН А.А.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
КРОЛЬ Ю.Л.

доктор исторических наук
МАЛЫВИН В.В.

Ведущая организация - Институт стран Азии и Африки при МГУ

Защита состоится "16" октября 1992 г. на заседании
Специализированного совета по историческим наукам
/Д.003.01.01/ Института востоковедения РАН.
/103777, Москва, ул. Рождественка, 12/.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
востоковедения РАН.

Автореферат разослан "15" сентября 1992 г.

Ученый секретарь Специализированного
совета, кандидат исторических наук

Володин Володин А.Г.

Институт востоковедения РАН, 1992 г.

Актуальность темы. Работа мыслилась как попытка реконструкции китайской "картины мира", прежде всего представлений о мире-социуме /"поднебесной"/, в том виде, в каком они получили воплощение в языке описания традиционной историографии III-VI вв. Эта проблематика открывает выход как к пониманию центральной парадигмы письменной культуры Китая, так и к рассмотрению конкретных вопросов культурологического плана: проблем саморефлексии культуры, восприятия данной культурой отличных от нее культур и формирования в её недрах концепции происхождения иных центров цивилизации. Используемый в работе материал имеет отношение к изучению внешнеполитической истории Китая, китайской системы внешних связей. Определенным стимулом для выбора темы диссертации послужила дискуссия, возникшая в 80-е годы именно в данной области отечественного китаеведения. В центре дискуссии находился вопрос, впервые поставленный еще в 60-е годы Ян Ляньшаном: являлась ли теория "синоцентризма" /"моноцентризма"/ единственной в восприятии китайцами мира или допускалась альтернативная концепция "равных государств". Исследователи, принявшие участие в полемике, опирались на неизученные ранее источники, свидетельствующие о том, что Китай в периоды ослабления его могущества заключал с соседями договора, свидетельствующие о фактическом равенстве сторон или даже о подчиненном статусе Китая. Интерпретировались эти факты по-разному. Одни исследователи /М.В.Крюков/ склонялись к тому, что в эти периоды в официальных кругах Китая были распространены две модели межгосударственных отношений: традиционная "синоцентристская", утверждавшая верховную власть китайского императора над всем миром - социумом, и равноценная ей модель, исходившая из законности такого положения, когда Китай был лишь одним из равных, сопоставимых по своему статусу государств. Другие исследователи /А.С.Мартынов/ настаивали на том, что в Китае вплоть до начала XX века господствовала "синоцентристская" кон-

цепция, несмотря на то, что политическая реальность порой резко расходилась с ее требованиями. Еще одна точка зрения /С.Н. Гончарова/, имеющая, как нам кажется, наибольшую объяснительную силу, сводилась к тому, что о наличии двух традиций в подходе китайцев к внешнему миру можно говорить лишь в сфере дипломатии, в теории же была распространена лишь концептуальная схема, постулировавшая уникальность статуса китайского императора. Несмотря на свою плодотворность дискуссия, как нам представляется, осталась незавершенной. Но ход ее отчетливо высветил ключевую для обсуждавшейся темы проблему, на которой диссертант и сосредоточил свое внимание.

Цели и задачи исследования. С общей методологической проблемой соотношения трех уровней /I. китайской теории внешних связей, являющейся частью целого комплекса представлений о мире, II. ее функционирования в виде дипломатического ритуала, III. исторической действительности /А.А.Васищанин//связана постановка ряда вопросов. I/ Как представители китайской традиции рассматривали соотношение этих трех уровней? 2/ Почему теория могла оставаться неизменной в периоды, когда ее постулаты приходили в совершенно очевидное для современного исследователя противоречие с фактами действительности? 3/ Действительно ли была теория, сформировавшаяся в определенную эпоху, неспособной на своем уровне осмыслить, объяснить и вписать в устоявшуюся "картину мира" те изменения, которые наблюдались в реальной действительности в качественно иной исторический период? 4/ В чем заключался набор приемов, достаточных для разрешения этого противоречия? 5/ Что представлял собой сам процесс нивелировки расхождения между традиционной теорией и несоответствующей ей новой действительностью? Рассмотрение этих вопросов применительно к определенной исторической эпохе путем анализа материалов источников и составило главную задачу диссертации. Ответы на эти вопросы не могли быть получены с помощью обычного подхода - извлечения из текстов источников исторических данных, которые несут, с точки зрения современного исследователя, информацию о внешнеполитической истории Китая или о восприятии мира китайцами. Поэтому мы выбрали принципиально иной, "имманентный" подход: постарались посмотреть на проблему как бы "изнутри", с точки зрения официальной историографической традиции, зародившейся в рамках письменной культуры сcribes -

ши /史/. Там мы искали критерии выделения трех уровней: теории, ее функционирования и действительности.

В качестве основного источника мы использовали те "историописания" китайских династий, которые маркированы традицией как относящиеся к разряду "чжэн ши" /"нормативные историописания"/. Данный термин указывает, что материал в этих текстах отражен в соответствии с официальной описательной нормой времени их создания. Помимо отмеченных исследователями признаков, характеризующих тексты жанра "чжэн ши", необходимо выделять еще один: способы фиксации данных, которыми пользовались их авторы и которые составляют нечто цельное, что можно обозначить как "язык описания". Под этим подразумеваются способы восприятия, систематизации, интерпретации и кодирования сведений^х. В языке описания сконцентрирован историографический аппарат в целом, выделению и анализу которого посвящена работа. Выбор языка описания в качестве объекта исследования объясняется тем, что он выступает как посредствующее звено по отношению к понятиям "теории" и "действительность". С одной стороны, он является одним из способов применения теории, а с другой, используется для описания действительности.

Цель исследования состояла не в простой реконструкции китайских представлений о мире-социуме по тем временным срезам, которые отражены в избранных для анализа "нормативных историописаниях", а в выявлении специфики функционирования нормативного языка историописания, в котором получила воплощение определенная "картина мира". Нас интересовала проблема взаимодействия исторической действительности эпохи III-IV вв. и языка, сложившегося ранее и воплотившего в себе иную реальность. Системное исследование текстов "нормативных историописаний", в том числе их структурный анализ, основанный на параллельном рассмотрении планов выражения и содержания, составляет основную канву работы. Перенос фокуса исследования из сферы изучения внешнеполитической истории Китая в плоскость изучения традиционной китайской

^х Данный подход был в значительной степени подсказан диссертанту знакомством с работами Д.В.Деолика и особенно А.М.Карпатьянца, посвященными анализу древнекитайских "историографических" текстов, прежде всего "Чуньцзю".

историографической науки, оставившей описания этой истории, изменил и формулировку проблемы. Мы рассматриваем не соотношение китайской теории внешних связей, ее функционирования в виде дипломатического ритуала и политической действительности, а соотношение китайской теории познания, ее реализации в виде "нормативного историописания" и отображаемой действительности. Это выдвигает на первый план задачу применения комплексной методики. Исследование приобретает синтетический характер: помимо обычных приемов исторической науки привлекаются материалы и приемы других дисциплин: лингвистики, текстологии, философии, истории науки. Следование единой методологической ориентации позволяет при этом достаточно органично сочетать достижения различных областей знания.

Методологической основой диссертации послужило одно из ключевых положений современной семиотики и структурологии: опыт, полученный при осмыслении реальной действительности, находит отражение в языке в виде определенной "картины мира" /способа восприятия мира/, свойственной всем носителям языка. Это положение, восходящее к лингво-культурологической концепции В. Гумбольдта о "внутренней форме" языка, представлено в виде понятия "значимости" Ф. де Соссюра, в теории "лингвистической относительности" Э. Сепира - В. Уорфа, в идеях американской этнолингвистики и во многих концепциях современной гуманитарной науки /Ю. Д. Апресян/. Это положение приложимо к изучению не только естественных языков, но и вторичных моделирующих систем, поскольку последние формируются по образцу доминирующего в культуре кода, каковым является естественный язык /Ю. М. Лотман/. Данный подход, на наш взгляд, особенно плодотворен для изучения такого явления как нормативный язык описания традиционной китайской историографии, в наиболее завершенном виде представленный в текстах жанра "чжен ши". Историография сформировалась в недрах интеллектуальной культуры, которая была ориентирована на достижение максимальной адекватности плана выражения плану содержания, имеющей глубинные параллели с идеей "внутренней формы" языка.

Научная новизна диссертации заключается в том, что примененный подход с точки зрения специфики китайской традиционной историографии дает возможность представить одну из традиционных тем синологии - систему внешних связей Китая в новом ракурсе и

позволяет решить ряд ключевых для данного этапа ее исследования вопросов. Кроме того, избранный отрезок времени ранее не рассматривался в свете избранной тематики. Предлагается посмотреть на эпоху III-VI веков, один из наиболее "ненормативных" периодов китайской истории, через призму синхронной ей нормативной историографии, или, наоборот, проследить те процессы, которые происходили в историографии в результате взаимодействия с принципиально новой исторической реальностью того времени.

Практическая значимость работы. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в обобщающих работах по истории китайской культуры и идеологии, для описания системы внешних связей Китая, для решения проблем истории китайской традиционной науки, в частности, раннесредневековой историографии. Результаты проведенного структурного анализа текстов могут быть полезны при разработке общих критериев выявления жанровой принадлежности древнекитайских текстов. Примененный в диссертации системный подход может быть также использован в работах по источниковедению, поскольку он демонстрирует возможности расширения источниковедческой базы исторических и культурологических исследований.

Предварительное обсуждение диссертации состоялось на заседании сектора древней и средневековой истории отдела Китая Института востоковедения РАН. Отдельные положения диссертации излагались и обсуждались на XV, XVII, XVIII конференциях "Общество и государство в Китае" /Москва, 1984, 1986, 1987/ и международной конференции "Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока" /Москва, 1989/. По теме исследования опубликовано восемь научных работ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы /сто пятьдесят одно название/, приложения, в которое вошли переводы отдельных текстов, а также таблицы и рисунки.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении дается краткий обзор современной историографии вопроса, обосновывается выбор темы, характеризуются источники, формулируются цели и задачи исследования, его методологическая основа.

Выбор периода III-VI вв. определялся тем, что этот период ка-

чественно отличался от эпохи Цинь - Хань, когда сложился жанр "нормативное историописание". Т.о. использованный в текстах этого жанра язык описания, отображающий интересующий нас период истории, представляет поле соприкосновения двух действительностей. При описании фактов одной из них он окончательно сформировался, а при фиксации второй - использовался как готовая независимая система. Появление отдельных элементов данного языка описания исследователи констатируют уже в доханьских текстах /Дж.Кеннеди, Д.В.Деопик, А.М.Карапетьянц, Ю.Л.Кроль/. Полный же набор соответствующих средств описания как особый аппарат историографии представлен, на наш взгляд, в "нормативных историописаниях" начиная с Хань, которые были в этом плане образцовыми текстами /это не исключает его обнаружения в текстах других жанров/.

Создание империи Цинь знаменовало собой глобальную смену эпох в китайской культуре, подготовленную предшествующим развитием. Для рассматриваемой проблематики представляются наиболее существенными два момента, касающиеся этого события. Во-первых, это становление централизованной империи, которое явилось в определенном смысле долгожданной реализацией древней утопии: единого центра - универсального государства, охватывающего своей упорядочивающей деятельностью весь мир-социум /поднебесную/. Реформы Цинь Ши-хуана по унификации систем мер и весов, письменности и др. - были направлены на выравнивание кардинальных сфер жизни общества в рамках всей империи в соответствии с единой системой норм-эталонов.

Второй момент связан с процессами, происходившими в сфере мышления. В период, предшествующий эпохе Цинь - Хань, в развитии китайской теории познания определенно стала преобладать тенденция формирования теории логико-понятийного типа. Это сопровождалось заменой оптической системы /характеризуется набором зрительных знаков-образов/, функционировавшей как доминантная семиотическая система в письменной культуре и выполнявшей роль системы универсальной коммуникации и главного инструмента познания, акустической системой /характеризуется набором звуковых знаков-символов/, используемой в той же функции. Эта смена проявилась в переходе китайской письменности от этапа чистой идеографии, оперирующей зрительными знаками, непосредственно не связанными с устным языком, к этапу иероглифики,

знаки которой - "хань цзы" - представляют собой единство смысла, изображения и звучания /А.М.Карапетьянц/. Унификация письма, произведенная при Цинь Ши-хуане, постфактум официально закрепила как норму-эталон то, что уже фактически имело место в действительности, в сфере развития мышления. "Перекодировка мира" /подстановка на место прежних знаков новых/, начало которой было положено в "Люй-ши чуньцо", своеобразном манифесте утверждаемой идеологии /Г.А.Ткаченко/, представляла собой ни что иное, как осмысление и идеологическое обоснование этой новой интеллектуальной ориентации. "Перекодировка" была продолжена авторами ранних "нормативных историописаний", начиная с Бань Гу. Это получило отражение, в частности, в подразделе "Хань шу" "Люйли чжи" /"Записи о нормах-эталонах лэй и календаре ли"/.

Специфика функционирования указанного языка описания четко проявилась в послеханьское время - эпоху необычную, сложную и "ненормативную". В это время имели место политическая децентрализация, образование на исконных китайских территориях иноэтнических государств, миграция китайского населения на юг, широкое распространение иноземной мировоззренческой системы - буддизма, непосредственное знакомство с другими цивилизациями. Оно явилось первым серьезным испытанием идеологической системы, сформировавшейся в цинь-ханьскую эпоху и породившей феномен "чжэн ши". Исследуемые памятники /"Сань го чжи", "Хоу Хань шу", "Сун шу", "Нань Ци шу", "Вэй шу", "Цзинь шу"/ отражают отрезок китайской истории с 220 по 556 год /исключение составляет "Хоу Хань шу"/. Период, в который они были написаны, в целом не выходит за рамки III-VI вв. /исключение - "Цзинь шу", созданная в середине VII в./ Их анализ позволяет увидеть ситуацию в "китайском мире" III-VI вв. как бы "изнутри", с точки зрения современников указанной эпохи. В "Хоу Хань шу" же представителем эпохи раздробленности описан качественно иной период, время правления централизованной империи Хань. В "Цзинь шу", наоборот, отражены взгляды историографов, живших во время правления централизованной империи Тан, на один из периодов эпохи раздробленности.

Поскольку язык описания связан с системой более высокого уровня - общей теорией познания /М.Гране, Д.Бодде, Дж.Нидем, Ю.Л.Кроль, В.С.Спирин, А.М.Карапетьянц, А.И.Кобзев, Ч.Хансен,

А.А.Крушинский/ и выступает как одна из возможных реализаций этой системы в качестве методологии историописания, важно обнаружить в самом тексте "нормативного историописания" какие-то формальные критерии различения трех взаимосвязанных компонентов: теории, ее функционирования в виде языка описания и фактов описываемой действительности. Макроструктура текста "нормативного историописания" действительно позволяет говорить о таком разграничении. Благодаря этому оказалось возможным изучать проблему соотношения и взаимодействия трех компонентов, оставаясь в рамках не только одной и той же традиции, одного и того же времени, но и в пределах текста одного памятника, что несомненно повышает степень достоверности полученных результатов. Общая теория познания в наиболее систематичном виде отражена в разделе "Чижи" /"Записи"/ "нормативных историописаний" / Г.Биленштайн, В.Эберхард, Н.Сивин, Е.П.Синицын, Р.В.Вяткин, А.А.Вокшанин, Лин Юньи/. В этом плане особого внимания заслуживает подраздел "Записи о нормах-эталонах лэй и календаре ли", в котором эта теория представлена в концентрированном и упорядоченном виде. Функционирование же ее в качестве языка описания можно изучать как по отдельным подразделам "Записей", так и по текстам раздела "Ле чжуань". Фактический материал, связанный с видением китайцами внешнего мира и с информацией об их контактах с этим миром, помещен в последних по порядку расположения цзяньях раздела "Ле чжуань", образующих особый подраздел, условно обозначенный нами как "Периферийные государства". Тексты этого подраздела всех вышеперечисленных "нормативных историописаний" стали основным источником исследования.

В первой главе "Подраздел "Периферийные государства" в ранних "нормативных историописаниях" как модель поднебесной" по единой схеме анализируются тексты подраздела "Периферийные государства" каждого "нормативного историописания" в отдельности, в порядке создания последних. Для выявления естественных временных границ формирования традиции написания данного подраздела наряду с указанными памятниками вкратце рассматриваются более ранние тексты этого же жанра - "Ши цзи" и "Хань шу" /в сопоставлении с "Сань го чжи"/ и более поздний - "Суй шу" /в сопоставлении с "Цзинь шу"/.

Хотя этот подраздел в "Ле чжуань" эксплицитно не выделен, он несомненно представляет собой единое образование, характе-

ризующееся следующими признаками: 1/ помещением в конце раздела "Ле чжуань"; 2/ расположением цзяней /или чжуаней/, его составляющих, единым блоком; 3/ маркировкой соответствующими обозначениями /сторона света, название территории, народа или государства/, представленными в заглавиях текстов; 4/ единой структурой, свидетельствующей об особой организации материала в рамках данного подраздела; 5/ обязательностью пространственного принципа организации материала; 6/ наличием в ряде случаев вступления или концовки ко всему подразделу.

Принципы отбора базовых текстов для исследования не совпали с теми, которыми руководствовался Цзянь Боцзянь с соавторами при составлении антологии "Собрание материалов по истории народностей" /1958-1959/. Основная задача Цзянь Боцзяня состояла в сведении воедино материалов по истории некитайских народов /прежде всего Китая/. Из-за этого "внешнего" по отношению к данновременной историографической традиции критерия были исключены тексты о китайских династиях, входившие в подраздел "Периферийные государства" "Вэй шу" /цз. 96-98, цз. 101-103/.

В процессе реконструкции китайской "картины мира" по временным срезам, отраженным в "историописаниях" были выявлены три ее параметра: общая схема строения мира; позиции, отведенные в ней инородцам /или другим государствам/; позиция в ней того государства /династии/, описанию которого посвящено данное "нормативное историописание" в целом. Определенную трудность задачи реконструкции составляла необходимость представления динамического процесса, каким является историческое сочинение как статической картины. При поиске оптимальных критериев для получения данных за основу были взяты способы описания информации /язык описания/, которые реализованы в текстах избранного для анализа подраздела. Изучение памятников в таком направлении обеспечило единообразие в представлении материала, необходимое для сравнительного исследования источников. При этом мы исходили из того, что обнаружение существенных искажений или изменений способов описания определенно свидетельствует как о трансформации представлений китайцев о мире, так и о направлении подобного рода трансформации. Были исследованы прежде всего те способы описания, которые предполагали две операции со стороны авторов текстов: распределение материала о периферийных территориях внутри подраздела, т.е. организация

структуры подраздела, моделирующей устройство мира-социума, и оформление сообщений, содержащих информацию о контактах между государствами.

Позиция того или иного государства в китайской "картине мира" фиксировалась помещением текста о нем в ту или иную часть подраздела, соответствующую определенной стороне света, и указанием на характер его отношений с государством /династией/, описываемым в данном "историописании". Эти отношения заключаются в контактах различного вида: обмен посольствами, подарками, посланиями, заложничество, оформление инвеституры, брачные отношения, договоры о мире и другие более редкие формы контактов. Набор видов контактов и распределение в них ролей зависели как от интенсивности контактов, так и от реального политического веса сторон в данном регионе /степени фактической зависимости одной стороны от другой/. В работе исследовалось лишь то, каким образом в анализируемых текстах оформлены сообщения об этих контактах. Сообщения, оформленные определенным образом, вслед за Д.В. Десопиком названы в работе "высказываниями" и приняты за единицу информации. Набор "высказываний", частота их встречаемости и степень формализации являются важными показателями статуса /позиции/ того или иного государства. Определение же положения в "картине мира" того государства, описанию которого посвящен памятник в целом, строится на основании результатов анализа совокупности всех указанных способов описания. Помимо этой неявной информации, требующей специального подхода, в подразделах имеются и эксплицитные данные по теме исследования. Во-первых, это термины или сочетания терминов, обозначающие либо статус отдельных государств, например, "западный вассал" / 西藩 /, "срединное государство" / 中国 /, либо строение всей модели мира, например, "двенадцать областей" / 十二州 /. Во-вторых, это тексты вступлений и концовок к подразделу, которые излагают информацию, касающуюся всего подраздела или значительной его части. Во вступлениях и концовках историографы в явном виде формулируют свои мировоззренческие концепции. Иногда подобного рода обобщения вкраплены в основной текст подраздела. В идеальном случае наличия всех явных и неявных указаний возможно получить совершенно достоверную "картину мира" данного "нормативного историописания". Однако большинство памятников содержит только часть эксплицитных или им-

плицитных данных. Тем не менее "картина мира" с той или иной степенью достоверности реконструируется для всех случаев, поскольку структура и текста подраздела, и отдельных "высказываний" являются обязательными составляющими языка описания, и "недостающие звенья" восстанавливаются достаточно однозначно. Эти способы описания являются наиболее массовым и типичным материалом, на котором в первую очередь может основываться анализ. Реконструкция пространственной организации подраздела каждого "нормативного историописания" представлена в виде таблиц и рисунков в конце работы. В тех случаях, когда конкретный материал "высказываний" о контактах составляет большой массив, он вынесен в "Приложение" к основной части диссертации. Там же дан перевод текста вступлений и концовок к подразделу.

Проведенный анализ вскрыл общую тенденцию, которая на первый взгляд кажется парадоксальной. В "Хоу Хань шу", наиболее раннем из созданных в "эпоху смуты" /III-VI вв./ "историописаний", можно наблюдать отличную от предыдущих по времени создания памятников /"Ши цзи", "Хань шу", "Сань го чжи"/ направленность подраздела "Периферийные государства". Организация материала в нем нацелена на моделирование моноцентрической "картины мира" по схеме: "четыре стороны света" с точкой отсчета в центре, представленном тем государством, описанию которого посвящен памятник в целом, т.е. срединным государством. "Хоу Хань шу", вероятно, воспринималась последующими историографами в этом плане как образец, и во всех более поздних "историописаниях" данный подраздел имеет такой же, как в этом памятнике, вид. Вероятно, это было одно из важных идеологических средств обоснования историографами "срединного" статуса того или иного государства в поднебесной. Для "нормативных" с точки зрения традиционной историографии эпох, каковыми были эпохи Цинь, Хань и Западная Цзинь проблема обоснования срединного статуса как таковая не стояла. Неслучайно, что подраздел "Периферийные государства" в "Ши цзи", "Хань шу" и, отчасти, в "Сань го чжи", т.е. в текстах, созданных в эпохи господства централизованных империй, имел другую ориентацию. Он должен был, видимо, отражать основные направления внешнеполитической деятельности китайских императоров, заключавшейся в экспансии, постепенной экономической, политической и культурной ассимиля-

ции окружающего пространства. Проблема обоснования срединного статуса приобрела особую актуальность именно в III-VI вв. - период политической и не только политической децентрализации. Задача создателей "нормативных историописаний" этого времени состояла в обосновании претензий правителя одного из государств, существовавших параллельно на территориях, некогда являвшихся землями единой китайской империи, на статус императора - правителя срединного государства.

Во второй главе "Неформативные" сведения о внешних пределах поднебесной и нормативный язык описания" исследуются тексты, представляющие в рамках подраздела "Периферийные государства" структурную единицу самого низкого уровня. Каждый из них - это самостоятельный законченный текст, в котором приводятся разнообразные сведения об определенном государстве. Для анализа мы выбрали описания государств, расположенных на наиболее отдаленной от срединного государства окраине поднебесной. Статус этих государств в мировой иерархии, с точки зрения формальных критериев - места их описания в общей структуре подраздела "Периферийные государства", а также наличия соответствующего "высказывания" об их контактах с срединным государством - самый низкий. Это вступает в очевидное противоречие с высокой оценкой, которую дают им историографы в содержательном плане. При этом на уровне микроструктуры текста - организации материала внутри самого описания - порой наблюдается полное соответствие этой высокой оценке: текст строится по той же схеме, что и описание срединного государства или даже всей поднебесной. Эти данные говорят о том, что историографы отводили этим государствам совершенно необычное место в мировой иерархии. Очевидное расхождение между моноцентрическим видением мира авторов описаний /о последнем свидетельствуют результаты исследования, изложенные в I гл./ и идейной направленностью самих описаний, а также связанное с этим расхождение между отдельными сторонами плана выражения и плана содержания текстов описаний весьма симптоматичны для историографии эпохи III-VI вв.

Исходя из специфики анализируемого материала данная глава разделена на две части. В первой исследуется то, как на протяжении ряда памятников формируется традиция описания двух государств западной и восточной периферии поднебесной, которые рассматривались авторами текстов как иные центры культуры /цивили-

зации/ и, тем самым, реальные претенденты на срединный статус в поднебесной. По отдельности анализируются сведения о западном государстве Да Цинь /средиземноморский ареал/ и о восточных народах И /Корейский п-ов/. Затем делается попытка выявить общую концептуальную схему, несомненно прослеживающуюся в этих описаниях, а также факторы, детерминирующие ее появление в рассматриваемую эпоху. Усиление контактов между Китаем и Средиземноморьем, которому способствовало интенсивное функционирование Великого шелкового пути, привело к появлению в китайских источниках III-VI вв. качественно новых сведений о территориях, расположенных на противоположном конце этого пути. Сведения о Да Цинь своей полнотой и относительной точностью отличаются от сведений о том же регионе в источниках предшествующего времени, поскольку в последних выдуманые черты преобладают над реальной информацией. Появление более точных данных вызвало изменение традиционных представлений о западе. По мере расширения географических знаний рай Сиванму оттесняется все дальше на запад и в конечном итоге выполняет роль традиционного ориентира западных пределов земли.

Уместен вопрос: повлияли ли, а если повлияли, то каким образом, качественно новые сведения о народах, населяющих восточные и западные пределы мира, на традиционное восприятие китайцами внешнего мира, основанное на противопоставлении себя "варварам". Знакомство с другими центрами культуры не привело в целом к изменению моноцентрической "картины мира". Увеличение эмпирических знаний, видимо, не могло до поры до времени изменить исходный взгляд на мир. Тем не менее, информация о других культурных народах способствовала обогащению знаний китайцев о мире. В уже сложившуюся "картину мира", наряду с собственной цивилизацией, противопоставленной "варварам", им пришлось включить третий элемент - иную культуру, представленную реальной страной таких же людей, а не жителей райских земель или антиподов. И их способность воспринять /пусть своеобразно/ и оценить другой культурный очаг свидетельствует прежде всего об уровне их собственной культуры. Взгляд китайцев на мир как на замкнутое и организованное целое предполагал немислимость ситуации наличия в нем двух центров, занимающих одинаковое положение в иерархии. Это, видимо, обусловило появление "монокультурной" концепции, объясняющей происхождение разных очагов

цивилизации через распространение культуры из одного центра в другие. В "Хоу Хань шу" эта концепция отражена в интерпретации факта существования культуры западных и восточных по отношению к Китаю народов. Термина для обозначения иной культуры, этого нового, третьего, элемента "картины мира", не было, да и не могло быть. Была только одна культура, составляющая противовес "варварству". Само понятие "культура", в смысле земледельческой цивилизации, обозначалось либо посредством термина "чжун-го", либо посредством других этнонимов - самоназваний китайцев, например, "цин" и "хань". Тем самым, понятие "культура" /или "цивилизация"/ совпадало с понятием "китайская/ культура". Вполне естественно поэтому попытка объяснить существование других культурных очагов их китайским происхождением. Не удивительно и то, что в "Хоу Хань шу" получает дальнейшее развитие идея о необходимости поиска ритуала "ли" у восточных народов И в том случае, если он будет утрачен Средним государством /Китаем/. Истоки подобной культурологической ориентации подраздела "Периферийные государства" "Хоу Хань шу" становятся понятными, если вспомнить о том, что "Хоу Хань шу" создавалось в эпоху, когда в самой истории Китая была реализована модель переноса культуры из места ее первоначального формирования на другую территорию путем миграции значительной части населения на юг под натиском северных кочевых племен. И не удивительно, что Фань Е, автор "Хоу Хань шу", принадлежавший к южной "эмигрантской" традиции, ввел "миграционную" идею в интерпретацию сведений о культуре восточных И и государстве Да Цинь.

Определенные черты идеализации Да Цинь и ее жителей, которые К. Сиратори связывает с близостью западного края - обители Сиванму, на самом деле отнюдь не обязательно специфичны для крайних земель. Идеализация жителей Да Цинь, как и восточных И, может объясняться естественным стремлением историографов приписать свои политические и нравственные идеалы отдаленной стране и сделать ее навиданием для современников /В.В. Маливин/. Тем не менее, элементы утопии в описаниях не следует преувеличивать. В них безусловно преобладают черты вполне реальной жизни.

Накопление информации о других народах и территориях стимулировалось политическими и экономическими интересами Китая.

Но то, в какой форме эта информация попала в исследуемые нами источники, зависело уже от их авторов. Для китайских историографов рассматриваемого времени главным было создание нормативного текста, т.е. текста, использующего анализируемый в работе язык описания. Благодаря этой особенности в китайских записях о Да Цинь и восточных И получили отражение представления китайцев и об устройстве мира-социума, и о статусе в нем как самого Китая, так и изображаемой страны. Эти сведения являются важным источником как для изучения географических представлений китайцев того времени, их концепции культуры, так и для изучения аппарата традиционной историографии. В то же время они с виду не вполне удовлетворяют тем требованиям, которые предъявляет современный исследователь к достоверному историческому источнику. Этим объясняются, в частности, те непомерные трудности, с которыми он сталкивается и при отождествлении сведений о стране Да Цинь, и при чтении записей о восточных И.

Во второй части второй главы анализируется текст о государстве юго-западной окраины поднебесной Шеньду /Индия/, представленный в подразделе "Периферийные государства" только одного памятника - "Хоу Хань шу". В качестве вспомогательного материала привлекаются исследования по истории распространения в Китае буддизма, в которых рассматривается проблема взаимодействия китайской и буддийской культур, осмысливается роль буддизма в духовной жизни Китая в III-VI вв. /Т.Г. Комиссарова, А.С. Мартинов, В.В. Маливин/. Это дало возможность оценить место концепции автора текста Фань Е в общем контексте духовно-религиозных исканий того времени. Отмечается, что в описании государства Шеньду получила своеобразное преломление проблема выбора религиозной ориентации и, соответственно, определения духовно-религиозного центра поднебесной, которая стояла перед официальными кругами южных династий в IV-V вв., когда влияние буддизма в обществе стало весьма опутимо. Фань Е рассматривал государство Шеньду как родину буддизма - самоценной и беспредельной по глубине системы, даже небольшая часть идей которой не охвачена китайскими учеными. При этом Шеньду противопоставлено Средней земле /Китаю/ не как альтернативный источник цивилизации, а как нечто принципиально выходящее за пределы посостороннего мира, т.е. поднебесной, которую охватывала официальная китайская идеология и которая ассоцииро-

валась с миром людей как таковым. Шэньду отведена более высокая по сравнению с Китаем ступень в иерархии, что исключало ситуацию существования двух одноуровневых мировых центров и таким образом не вступало в формальное противоречие с устоявшимся моноцентрическим видением мира. Подобное восприятие буддизма отражало роль буддизма в то время, когда жил Фань Е /сер. V в./, но никак не в позднечаньскую эпоху, описанию которой посвящена созданная им "Хоу Хань шу".

Изученные данные позволили сделать вывод, что распространение буддизма в Китае, и его все возрастающая роль в жизни общества, наряду с особенностями внутривосточной ситуации в стране III-VI веков и знакомством китайцев с иными центрами культуры, не могли не привести к определенной ломке стереотипа восприятия внешнего мира представителями официальной идеологии, и, соответственно, к проникновению в "нормативное историописание" "ненормативной" информации, тем не менее, описанной нормативным языком.

Третья глава "Нормативный язык описания как источник реконструкции китайской "картины мира" эпохи III-VI вв." имеет обобщающий характер. В ней сделана попытка на основе изучения материала источников, результаты которого изложены в I и II главах, вывести исследование на более абстрактный уровень.

Трехчастная организация главы соответствует соотношению трех элементов единого комплекса /теория, язык описания, историческая действительность/, анализ которого составляет основную цель диссертации. В первой части подробно характеризуются составляющие языка описания, представляющие собой знаки трех уровней сложности /термины, "высказывания", структура текста/, поскольку язык описания является тем материальным объектом, в котором реализуется теория познания в ее самом общем виде - "картины мира" - и с помощью которого формализуется новая эмпирическая информация о действительности. Язык описания, таким образом, это-единственный материальный источник, который реально дан исследователю. Изучение текстов подраздела "Периферийные государства" раздела "Ле чжуань" ранних "нормативных историописаний" позволило выявить общий для всех памятников язык /инвариант/ описания. Каждый памятник, являясь продуктом взаимодействия языка описания и описываемой с помощью него исторической реальности, представляет собой конкретную разновид-

ность, вариант, этого инварианта. С помощью вскрытых способов описания авторы "историописаний" фиксировали новые сведения об иноземных народах и государствах и о контактах Китая с ними, включая тем самым эту информацию в общий контекст привычной системы мироздания. И только путем анализа этих средств описания можно проделать обратную операцию - реконструировать исходный материал, выделив из него исторические сведения, с одной стороны, ^{заключенную} и в языке описания "картину мира", с другой. Посредством одного и того же устойчивого набора языковых средств отображались периоды правления китайских и неазиатских династий, эпохи централизации и децентрализации, различные территории, природные зоны, центры цивилизаций, пространства разных масштабов. Но и при качественном несовпадении описываемой эпохи и времени создания посвященного ей текста особых трудностей у авторов "историописаний" не возникало, поскольку способы фиксации были достаточно формальны и универсальны, чтобы описать определенный набор ситуаций.

Во второй части главы дается общая характеристика того видения мира, которое получило воплощение в нормативном языке описания. Отмечаются четыре основных принципа, определяющих специфику этого мировосприятия. Во-первых, это структурный подход к миру, базирующийся на анализе мира как целого, как системы. Этим обусловлено использование в описании классификационных схем. Структурность проявляется в организации как всего текста, так и его частей, в строго определенном построении "высказываний", благодаря чему суть излагаемого /план содержания/ отражается в самой структуре плана выражения. Во-вторых, это принцип иерархичности: значимые с точки зрения квалификации статусы сторон отношения всегда описываются как асимметричные отношения высшего и низшего, что пространственно представлено как противопоставление центра и периферии. В-третьих, это принцип универсального моноцентризма, определивший необходимость совпадения в одной, центральной точке пространственной модели центров всех содержательных моделей китайской "картины мира" /географической, этнической, политико-административной, культурной, духовно-религиозной/. В-четвертых, это ориентация на максимальную адекватность, взаимообусловленность и единство формального и содержательного аспектов /т.е. планов выражения и содержания/, предполагавшая строгое соответствие выразитель-

ных средств определенному смысловому наполнению, имевшему несомненно китайскую специфику. Последнее обстоятельство в определенной степени препятствовало целенаправленному использованию рассматриваемого языка как чисто "формальной" описательной системы.

Исследование составляющих языка описания подтвердило наблюдение, сделанное Ю.М.Лотманом при изучении текстов других культур, о том, что из всех содержательных интерпретаций "картины мира" именно пространственная выполняет в культуре функцию описательной модели. Анализ последней на основе предложенных Ю.М.Лотманом параметров /тип разбиения пространства, фиксирующий его наиболее значимую границу; моделирующая оценку ориентированность пространства; мерность пространства, отражающая семиотическое видение отношений между его подразделениями/ позволил реконструировать общую схему устройства китайского мира-социума /поднебесной/. Анализ способа членения периферийных территорий поднебесной дал возможность воссоздать китайскую нормативную систему внешних связей, предполагавшую наличие трех категорий /по степени зависимости/ внешних "подданных" срединного государства.

Особое внимание уделено установлению содержательного аналога в устройстве поднебесной такого важного параметра характеристики описательной модели, как "точка зрения". В каждом из рассмотренных "нормативных историописаний" универсальная описательная модель /инвариант языка описания/ получила свою реализацию /вариант языка описания/ в связи с выбором в каждом случае иной "точки зрения". Выбор сопровождался "наложением" на мир своеобразной пространственно-временной сетки координат таким образом, чтобы ее точка отсчета - центр модели - совпала бы с тем государством /династией/, которому посвящено данное "историописание", т.е. с срединным государством. В зависимости от этого конкретизировали строение модели, ее пропорции, позиции в ней других государств и т.д. Все описание окружающего мира и событий, происходящих в нем, тем самым строилось с позиций организующего начала, каковым мыслилось срединное государство. Таким образом, план содержания, который с необходимостью, согласно закону жанра, соответствовал пространственной описательной модели /плану выражения/, был задан политико-административной интерпретацией "картины мира".

Под "политико-административной интерпретацией" подразумевается значение, в понимании официальной китайской идеологии, термина "го" - "государство". Это целый культурный комплекс с политической доминантой, охватывающий и структурирующий все остальные сферы культуры и восходящий к древнему архетипу, согласно которому правитель государства является средоточием человеческого и космического всеединства.

В третьей части главы исследуется проблема взаимодействия нормативного языка описания и неадекватной ему исторической действительности эпохи Ш-УИ вв.. Анализируются четыре главные фактора, определившие особый облик эпохи. Отмечается, что в условиях появления этих факторов нормативной "картине мира", зафиксированной в языке описания, угрожала деформация и в плане содержания /отход от реалий китайской культуры/, и в плане выражения /нарушение моноцентрической пространственной модели/. Это, соответственно, вело и к искажению необходимой взаимосвязи, существующей между этими планами: ставился под сомнение основополагающий постулат официальной идеологии о соединении в одном центре - китайском срединном государстве и о персонификации в его правителе - китайском императоре географического, этнического, политико-административного, культурного и духовно-религиозного центров мира-поднебесной.

Проблема преодоления расхождения между нормативным языком описания и исторической реальностью эпохи Ш-УИ вв. решалась каждым историографом по-своему. Но можно проследить все же общую тенденцию. В обозримом для китайцев мире появилось несколько содержательно различных центров: географический - в Чжунъюани, этнический - в Цзяннани, культурный - в Цзяннани, а также у восточных И и в стране Да Цинь, духовно-религиозный - в Индии. Это означало умножение самих "картин мира", содержательно различных, но формально тождественных моноцентрической пространственной модели, что влекло за собой умножение "точек зрения" и появление нескольких содержательно разных инвариантов языка описания. У официального историографа, перед которым все же стояла задача "втиснуть" этот содержательный полицентризм в рамки нормативной последовательно моноцентрической описательной модели, было две возможности. Первая - взять за основу своих построений только одну содержательную интерпретацию, например, географическую, как это сделал Вэй Шу, автор "Вэй шу",

обосновывая срединный статус династии Северная Вэй. Вторая - признать существование нескольких содержательных интерпретаций, а следовательно, и центров мира, но расположить их при этом на разных иерархических уровнях, и, тем самым, утвердить в качестве главного лишь один центр. Например, в "Сун цу" в качестве такового был выбран культурный центр, функцию которого, с точки зрения представителя южной историографической традиции, выполнял двор императора южной китайской династии Сун.

В процессе нормативного описания преодолевалось расхождение между новой исторической реальностью и сложившимся ранее языком. Этот процесс имел двусторонний характер. С одной стороны, необычный объект описания вынуждал историографов использовать моноцентрическую модель как чисто "формальную" систему, трансформируя тем самым исходный язык описания. С другой стороны, будучи представителями традиции, ориентирующейся на максимальную адекватность планов выражения и содержания и на моноцентрическое видение мира, официальные историографы преобразовывали и сам объект описания, вольно или невольно искажая описываемую историческую действительность. Такой двусторонней "подгонкой" языка описания и отражаемой с помощью него реальности и достигалось их соответствие. Кроме этого, использовался еще способ введения всевозможных условий, ограничений, благодаря которым полноценное применение нормативного языка формально не противоречило описываемой реальности, и, таким образом, вроде бы не искажало ее. В таких случаях одни и те же сведения в зависимости от ситуации формализовались историографами по-разному: помещались в разные разделы "нормативного исторического описания".

Последняя часть третьей главы посвящена проблеме влияния буддийской экспансии на китайскую "картину мира". В ней подчеркивается, что распространение буддизма в Китае было тем фактором эпохи III-VI вв., который вступал в наиболее осязаемое противоречие с устоявшимся видением мира. Три других фактора /политическая раздробленность и существование на территории Китая иноэтнических государств, миграция значительной части северного китайского населения на юг, приток сведений о других цивилизациях/ взаимодействовали с языком описания как явления исторической действительности в чистом виде. Тем самым, они входили в состав достаточно аморфного по сравнению с системой описания

материала, составлявшего объект описания для данной системы. С помощью последней, как мы пытались показать, этот материал можно было соответствующим образом формализовать, закодировать, т.е. подвергнуть семиотическому преобразованию.

Для буддизма имело место взаимодействие качественно иного рода: контакт двух языковых кодов, двух "картин мира", двух идеологических систем, каждая из которых носила универалистскую направленность. В этой связи возникает вопрос: что представляла собой духовно-религиозная интерпретация "картины мира", принятой в китайской официальной идеологии и получившей отращивание в анализируемом языке "нормативных исторических описаний", в ситуации, когда буддизм превратился в значительный фактор жизни китайского общества, и на государственном уровне стало ощутимо противостояние двух духовно-религиозных центров? В работе показано, что позиция официальной власти допускала целый спектр точек зрения на место буддизма в китайском мире. Мнение Фань Ё, связывавшего с буддизмом духовно-религиозный центр мира, в этом смысле представляло один из крайних полюсов этого спектра. Оно противоположно позиции официальной идеологии в том виде, в каком ее можно было зафиксировать в нормативных текстах, созданных в Ханьское время, предшествующее эпохе III-VI веков, и в танское время, следующую за ней. Возможность пропаганды буддийского учения в китайском "нормативном историческом описании", видимо, связана с тем, что Фань Ё все же отражал одну из официальных для его времени точек зрения или одно из дозволенных мнений.

Такая вариативность была возможна в ту совершенно своеобразную в истории Китая эпоху политической нестабильности, необыкновенной динамики, фактического полицентризма во всех сферах, в эпоху, когда срединное государство могли видеть на крайнем западе или востоке поднебесной, а монаху было позволено не оказывать знаки почтения императору, в эпоху, оказавшуюся очень плодотворной с точки зрения накопления и концентрации свежих сил, полученных из самых разных источников, для дальнейшего роста китайской культуры и государственности.

В "Заключении" подводятся итоги исследования и излагаются основные выводы.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Об особенностях языка описания цивилизаций китайскими историографами // 15-ая Научная конференция "Общество и государство в Китае" : Тез. докл. - М., 1984 - № I, с. 137-145 /0,6 а.л./.
2. Традиция землеописания в Китае // 16-ая Научная конференция "Общество и государство в Китае" : Тез. докл. - М., 1985 - № I, с. 173-179 /0,4 а.л./.
3. "Зеркальность" представлений друг о друге средневековых государств Востока и Запада // Дальний Восток и Центральная Азия / - М., 1985, с. 70-94 /1,6 а.л./.
4. Роль системы лэй в традиционной китайской науке // 17-ая Научная конференция "Общество и государство в Китае" : Тез. докл. - М., 1986 - № I, с. 86-96 /0,7 а.л./.
5. Музыкально-теоретическая система лэй и методологический аппарат традиционной китайской историографии // История и культура Восточной и Юго-восточной Азии / - М., 1986. - ч. I, с. 114-171 /4 а.л./.
6. Соотношение музыкальной системы лэй и общей теории познания в Китае // 19-ая Научная конференция "Общество и государство в Китае" : Тез. докл. - М., 1988 - № I с. 78-82 /0,3 а.л./.
7. Соотношение оптической и акустической репрезентаций семиотической системы в традиционной китайской культуре // Международная конференция "Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока" : Тез. докл. - М., 1989 - ч. 3, с. 56-58 /0,1 а.л./.
8. Notes sur les étalons /Lüzhì/ de l'Histoire des Han antérieurs: correspondance entre forme et contenu, modes d'élaboration de notions générales, dans la tradition systématisante des Han // Extrême - Orient - Extrême - Occident / - Paris, 1991 - N 13, 1, 2a, 1/.

Handwritten signature

Подп. в печ. 6.07.92 г. Тираж 100 экз. Заказ № 17447

Централизованная типография ГА "Совзстройматериалов"